

Борис ВАСИЛЬЕВ:

ПРОЙТИ ПУТЬ ДВАЖДЫ

— После каждой ли публикации приходит такое количество откликов и что значит для вас письма читателей?

— Да, пишут довольно часто. Особенно много почты было после публикации повестей «А зори здесь тихие...», «В списках не значился», «Не стреляйте в белых лебедях». В этом году на «Летят мои кони» я получил около сотни откликов. И, что радостно, большая часть из них — настоящие читательские письма, письма собеседников, на которые хочется отвечать: потому что ведь попадают и послания иного рода — иногда письма-мероприятия (от школьников), написанные явно не по собственной инициативе, иногда просто сочиненные от нечего делать, где тебе пересказывают сюжет твоего же произведения и в конце сообщают, что это очень интересно... Здесь, к счастью, таких нет. В этих письмах, кроме размышлений, много предложений, рассказов, случаев из жизни.

Конечно, и само по себе очень важно для писателя знать, что тебя читают и что это заставляет человека взяться за перо. Но, помимо эмоций, письма приносят иногда совершенно конкретную помощь.

Год назад, закончив «Были и небыли», я сказал в одном интервью, что думаю написать роман о гражданской войне. Пошли письма, в которых люди рассказывали о собственной судьбе. Получил из Ленинграда от одного капитана первого ранга дневники его отца. Отец его, человек интеллигентный, заведовал аптекой армии и все время от момента мобилизации (с 1918 до 1924 года) аккуратно вел дневник, очень точно описывая то, что видел. Вот это действительно ценностно! Конечно, я не обязательно дословно использую эти записи, но в них есть дыхание времени, есть вещи, которые придумать нельзя... Дневники я перепечатал, а оригинал с благодарностью вернул хозяину.

— Вы упомянули о своем замысле написать о гражданской войне. У вас есть произведения о Великой Отечественной; в романе «Были и небыли» действие происходит в годы русско-турецкой вой-

Моя электричка приближается к Москве. Уже мелькают за окнами многоэтажные дома столичных пригородов; позади остались черные зимние перелески, ощущение пустоты и покоя дачной местности, где обычно — вдали от московской суматохи — работает Борис Львович Васильев. И маленький кабинет с книгами, старым диваном, креслом и столом, на кото-

ны. И вот теперь — хронологически находящаяся между ними гражданская... Вы как-то связываете для себя эти три войны?

— Пожалуй, да. России часто приходилось воевать, и многие русские писатели были офицерами — вспомните Лермонтова, Толстого. Они понимали, чувствовали и писали человека на войне. Я фронтвик, потомок офицеров и сам офицер, так что для меня эта сторона общественной жизни всегда была интересна. Отечественная — война нашего поколения, поэтому появились «А зори здесь тихие...» и другие повести. Но меня очень интересовали корни, вопрос, откуда все мы есть родом, поэтому хотелось написать роман о дедках. Мне повезло, потому что мои деды были довольно интересными людьми — из числа первых народников, организаторы кружка Чайковцев, друзья Натансона. А написать о русско-турецкой войне посоветовали болгары. В нашей отечественной литературе почти ничего нет об этом периоде, кроме нескольких рассказов Гаршина. Словом, одно наложилось на другое, и сюжет стал ясен. Но писал я роман не о русско-турецкой войне, а о становлении русской интеллигенции. Закончив «Были и небыли», я понял, что это отличная подготовка для романа о гражданской войне.

Мне хочется написать о так называемых «военспецках», то есть об офицерах старой русской армии, добровольно перешедших на сторону Советской власти и включившихся в состав Красной Армии. Что такое лучшее русское офицерство, большая часть которого — две трети, по свидетельству Бонч-Бруевича, — оказалась на нашей стороне?.. Что они пережили, что брали на свою совесть?..

— Значит, таков будет герой будущего романа...

— Я не говорил, что будет именно этот герой. Но очень может быть, потому что

он близок мне и по духу, и по воспитанию, и потому, что мой отец из таких. Он рассказывал немного, очень сдержанно, но и этого было достаточно, чтобы понять, как непросто бывшему царскому поручику стать командиром Красной Армии.

Сейчас я читаю воспоминания, книги — все, что касается гражданской войны и было издано в двадцатых годах. Нужно очень точно определить время, когда будут действовать мои персонажи. Вероятнее всего это будет денкининщина, самый страшный и напряженный 1919-й, когда Деникин подходил к самой Москве, когда его армия стала «добровольческой» уже только по названию, а на деле состояла в основном из наемников. Здесь очень запутанный узел противоречий. Не операции, нет; огромные душевные затраты, которых требовало время, — вот что интересно.

— Вы говорили о документальной литературе, которую изучаете во время работы. Читаете ли вы, когда пишете, и художественную? Какие у вас вообще привязанности в литературе?

— Сначала о том, чего не читаю. Когда я писал «Были и небыли», то сознательно не читал «Сто лет одиночества» Г. Маркеса. Я знал, что это прекрасное произведение, вообще считаю Маркеса открывателем совершенно нового пласта в литературе, но, повторяю, не читал его. Потому что понимаю: стоит прочесть, и я начну писать «под Маркеса». Знаю за собой такую слабость, очарование сильною писателя, поэтому во время работы некоторых авторов избегаю. Например, не читаю Чингиза Айтматова, творчество которого очень люблю. А есть писатели, которые при всей своей силе действуют на меня чрезвычайно благотворно. «Тихий Дон» Шолохова я перечитываю минимум раз в два года. Нравятся мне произведения Чингиза Айтматова, Василия Быкова, Валентина Распутина, Виктора Астафьева.

ром опять же книги, бумаги, читательские письма. Часть из них — две толстые пачки с пометкой «Ответил!» — доверена на время мне. Это отклики на автобиографическую повесть писателя «Летят мои кони». «Повесть о своем времени» — определил ее автор, но, судя по почте, это время оказалось «своим» для очень многих людей, иногда отнюдь не его ровесников.

С детства очень люблю Диккенса. Более чистосердечного, доброго, открытого писателя я просто не знаю. Кстати, Лев Толстой говорил, что если взять сито и просеять сквозь него всю мировую литературу, то останется только Диккенс; но честное слово, я любил его произведение, и не зная этого высказывания. Пленяют несколько одинаковые на первый взгляд романы-притчи, в которых добро всегда вознаграждается, а зло наказывается, наполненные любовью к простому человеку, прелестным юмором. Мне очень близка эта доброта, доходящая порой до наивности. А если написать галерею портретов персонажей Диккенса, там не будет двух одинаковых! Поразительная серия типов, которые он выявил в английском обществе. Создание литературного типа — для меня мечта, высшее мерило писательского таланта. И сам я по мере сил стремлюсь к типизации...

— Какой из ваших героев наиболее дорог вам?

— Тот, о котором я пишу, который в данный момент со мной. Если говорить об уже законченных произведениях, больше всего трогал меня Егор Полушкин, и потому я долго не мог от него избавиться. Но избавляться надо непременно, иначе не напишешь ничего нового.

Видно, я романтик, герои у меня всегда на котурнах. Думаю, что это в традициях русской классической литературы: писатели всегда восторжались своими героями, даже если речь шла об Акакии Акакиевиче — Башмакине. Смотрел на него Гоголь с уважением, слезой и болью... А иначе нельзя.

— Вы, как известно, приверженец старой гуманитарной культуры. Но в то же время охотно сотрудничаете с кинематографом — искусством XX века, порождением технической революции...

— Дело здесь вот в чем. Если раньше читатель безраздельно принадлежал писателю

(наши предки зажигали лампу, брали толстый роман, и от этого романа оторгнуть их уже никто не мог), то теперь перед потенциальным читателем возникает масса соблазнов: телевидение, спорт, который стал зрелищем, эстрада... Литература перестала быть богиней, она почти рядовой служанкой порхает вокруг этого очень современного человека. Конечно, гоняются и за книгами, но не стоит обольщаться на этот счет — «бум» все же больше покупательский, чем читательский. Можно еще вздыхать по этому поводу, но нельзя с этим не считаться, если хочешь, чтобы твой голос услышали. Я хочу, чтобы мои мысли доносились до человека нашего времени в его форме. Поэтому так стремлюсь к работе в кино и в театре.

— Как вы относитесь к экранизациям, инсценировкам ваших произведений?

— Прежде чем отвечать на этот вопрос, необходимо объяснить одну тонкость. Литература всегда оставляет читателю простор для воображения, сотворчества; это всегда свежий продукт, из которого вы можете изготовить любое блюдо. Кинематограф обладает способностью консервировать характер, тип, а из консервов уже мало что можно сварить, надо есть то, что предлагается. Вот конкретная Наташа Ростова. Она такого роста, у нее такие глаза, она так улыбается, так бежит — так! — а не иначе, не так, как вы ее себе представляли... Внешность актера, манера его поведения, его обаяние, сила личности — все это делает конечным бесконечный литературный образ, и здесь «жесткое» режиссерское прочтение может родить неприятие вместо того разговора по душам, который всегда возникает между писателем и читателем.

Я очень не люблю буквальных постановок и экранизаций. Мне нравится, если в спектакле, фильме остается что-то родственное литерату-

ре — простор для домысливания. Работ в кино, которыми я, как автор литературной основы, был бы доволен, в общем, нет (исключая, быть может, фильм «А зори здесь тихие...»). Приведу пример из области театра.

Когда Марк Захаров взял заставить «В списках не значился», он сказал мне: «Только я буду писать пьесу сам. Ничего не буду делать без согласования с вами, но позволюте пофантазировать на тему». Я сказал — пожалуйста. И они с Юрием Визбором сделали вариацию на тему. По моему, удалось самое главное: они умудрились сблизить современного молодого зрителя с героем сорок первого года... Конечно, при свободной постановке есть потери. Но как автор я отношусь к ним с пониманием — ведь это другой род искусства, с совершенно иными выразительными средствами. Важно, чтобы сохранился дух произведения, главная авторская мысль.

— А стиль писателя?

— Один мой друг как-то сказал мне: «Ну какой же ты писатель! Писатель — это когда лежит кусок книги без начала, без конца, а берешь его и узнаешь, кто это написал. А у тебя каждая вещь написана другим стилем». Да, тут у меня своя точка зрения. Я думаю, что стиль есть составная часть каждого произведения — произведения, а не писателя. Больше всего на свете поэтому мучаюсь над первой фразой — ищу, в каком ключе буду рассказывать. «Не стреляйте в белых лебедях» задумал и писал как притчу, «Были и небыли» (хотя, может быть, слишком смело так говорить) — как эпизод, «Вы чье, старичье?» для меня — трагикомедия.

Конечно, есть писатели, которых можно узнать сразу. Василь Быков пишет так. Последние вещи Юрия Трифонова — его узнаешь просто по полстранице. Как можно отличить меня, я и сам не знаю. Наверное, по мыслям... В этом смысле я более или менее постоянен.

Я считаю, что писатель должен сделать два конца пути. Первый — это путь к читателю, второй — от него, и второй путь важнее. На каком-то этапе ты должен понять читателя, почувствовать, чего он ждет от тебя, угадать его мечту. Тогда он запомнит, полюбит, поверит тебе. Писательская известность — это отображение доверия людей. Такова слава Распутина, Быкова, Айтматова. А второй путь — уйти от читателя; нет, не уйти, а повести его за собой. Это уже целиком зависит от масштабности человеческой, писательской личности. Потянешь ли? — вот чего никогда не знаешь вперед...

Беседу вела Е. СЕСЛАВИНА.